

Б. АКУНИН

Азиатская европеизация. История Российского государства. Царь Петр Алексеевич

Заключение. Россия становится империей

Попробую дать оценку событиям этой эпохи, настолько изменившей жизнь страны, что мне кажется правильным называть постпетровскую Россию «четвертой» по счету модификацией государства.

Предыдущая, «третья» Русь несколько отклонилась от классической «ордынской» системы, созданной во второй половине пятнадцатого столетия Иваном III. Девиация объяснялась рядом объективных причин. Прежде всего — кризисом царской власти. Из-за пресечения династии трон существенно подрастерял ореол сакральности, совершенно необходимой для державы чингисхановского извода. Первым Романовым пришлось поделиться властными полномочиями сразу с несколькими институтами, чей престиж очень поднялся во время освободительной войны: во-первых, с боярством, выдвинувшим в цари одного из своих представителей; во-вторых, с церковью, духовно возглавившей сопротивление; в-третьих, с Земским собором, потому что настоящими героями национального возрождения были земцы-ополченцы.

Возникшая после Смуты гибридная конструкция, стоявшая одной ногой в Азии, другой — в Европе, оказалась довольно шаткой. Высокая мобилизующая способность и строгая «вертикальность» управления, несущие опоры «ордынской» модели, расшатались, но не привились и новые европейские тенденции со ставкой на рост городов, промышленность, торговлю и, шире, частную инициативу.

В семнадцатом веке Московское государство успешно действовало только там, где не сталкивалось с серьезным сопротивлением: на пустых просторах Сибири да в борьбе с разваливающейся Речью Посполитой. Всё заметнее становилось отставание России от быстро развивающихся западноевропейских стран, всё острее

ощущалась потребность в выходе к торговым морям. На решение последней задачи требовались силы и ресурсы, которых не хватало.

К концу столетия всем умным людям в России стало ясно, что необходимы коренные преобразования. Нужно было выбирать между двумя путями. Для каждого из них требовалось серьезно перестроить государство: сделать его или более «азиатским», то есть лучше управляемым сверху, или более «европейским», то есть активнее развивающимся на низовом уровне.

Путь, который я очень условно называю европейским (хотя им тогда шли очень немногие европейские страны), строился на концепции, согласно которой богатство государства зависит от богатства его обитателей. Приверженцем этой логики был Василий Голицын. Об этом можно судить по сохранившимся сведениям о его программе, которая называлась «Книга, писанная о гражданском житии или о поправлении всех дел яже належат обще народу». Князь-оберегатель планировал «обогащать нищих», «дикарей превратить в людей», заменить для крестьян государственные повинности «умеренным налогом», посылать дворян для обучения за границу, создать профессиональную армию «бравых солдат» и так далее. При этом он, кажется, не собирался покушаться на национальное своеобразие русских — скажем, брить им бороды и нахлобучивать на них треуголки.

Однако в результате политической борьбы к власти в России пришла другая сила, сделавшая ставку на возвращение к прежней «ордынской» системе, хоть и с многочисленными технологическими поправками в духе времени.

Напомню, что четырьмя главными признаками такого государства являются:

1) предельная централизация и концентрация власти; все мало-мальски важные решения принимаются одной инстанцией — самим государем;

2) все подданные считаются состоящими на службе у государства, которое объявляется высшей ценностью; не государство существует ради народа, а народ ради государства;

3) фигура самодержца священна и находится выше всякой критики;

4) все законы условны, ибо они обязательны только для населения, но не для верховной власти.

Нетрудно заметить, что реформы Петра I были направлены на то, чтобы укрепить все эти четыре столпа.

Административная реорганизация правительства и регионального управления чрезвычайно усилила и упорядочила властную «вертикаль». Самодержавие восстановилось в пределах, каких

Россия не видывала со времен Ивана Грозного, и более не ограничивалось ничем: ни патриаршеством, ни думой, ни тем более какими-то собраниями народных представителей.

Все сословия теперь были привязаны к исполнению государственных повинностей еще жестче, чем прежде. Дворян в принудительном порядке заставляли учиться и служить; крестьяне и посадские не только несли на себе всю налоговую тяготу, но по воле начальства должны были беспрекословно идти в солдаты, матросы или рабочие — на очередное казенное строительство.

Царь стал императором, да еще и фактическим главой церкви, которая в новой модели окончательно превратилась в департамент государства.

Бурная законотворческая деятельность ставила своей целью отнюдь не верховенство права, а лишь регламентирование сложной системы повинностей и запретов, при этом из юридической компетенции был выведен даже главный в самодержавном государстве закон о передаче власти. Отныне император и этот ключевой вопрос решал по собственному произволу.

В стране, живущей по подобным принципам, населению необязательно и даже вредно быть зажиточным, поскольку народ, все помыслы которого не сосредоточены на добывании куска хлеба, начинает слишком много о себе понимать, а это создает проблемы для власти.

Если в России и произошла европеизация, то исключительно фасадная, декоративная, а внутренняя архитектура государства, наоборот, была перепланирована на «азиатский» манер. Страна отнюдь не стала частью Европы, а лишь «отворила в нее окно». Окно — не дверь, оно существует для того, чтобы через него смотрели, а не ходили. И смотреть на Европу через окно, да еще зарешеченное (для выезда за границу требовалось разрешение), Россия будет еще долго, продолжая жить своей собственной «ордынской» жизнью.

Зададимся вопросом: велик ли был Петр Великий?

В значении масштаба, исторической значимости — вне всякого сомнения. И лучше всего об этом сказал он сам (в пересказе брауншвейгского посланника Фридриха Вебера, слышавшего эту речь собственными ушами при спуске очередного корабля): «Кому из вас, братцы мои, хоть бы во сне снилось лет тридцать тому назад, что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать, и в одеждах немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране, воздвигнем город, в котором вы живете; что мы доживем до того, что увидим таких храбрых и победоносных солдат и матросов русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смышленными;

что увидим у нас такое множество иноземных художников и ремесленников, доживем до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи?»

Продолжим словами Карамзина: «Он... исправил, умножил войско, одержал блестящую победу над врагом искусным и мужественным; завоевал Ливонию, сотворил флот, основал гавани, издал многие законы мудрые, привел в лучшее состояние торговлю, рудокопни, завел мануфактуры, училища, академию, наконец, поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы».

Князь Щербатов еще в восемнадцатом веке составил трактат с длинным, очень интересным названием «Примерное времяисчислительное положение, во сколько бы лет, при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти до того состояния, в каком она ныне есть в рассуждении просвещения и славы». По расчетам князя получается, что если бы правительство обходилось без петровских эксцессов, а действовало умеренно и «без самовластия», то на создание новой армии ушло бы лет тридцать; потом еще тридцать на завоевание выхода к морю, строительство портов и флота; затем наступило бы время промышленного строительства, развития торговли, «рудокопательного искусства» и прочее, и прочее, так что Россия достигла бы должных результатов только к 1892 году. В этой альтернативно-исторической проекции примечательно то, что составил ее стародум, ностальгировавший по московским временам, — даже он отдавал должное петровскому величию.

Но это величие обошлось стране очень дорого — может быть, даже слишком дорого.

Выше уже говорилось о тщетности огромных, многолетних трат на воронежский флот и о том, что в результате варварской вырубки вековых лесов изменилась вся экология верхнего Дона.

Напрасными оказались все жертвы, людские и финансовые, потраченные на попытки зацепиться за Черное море. Невыполненная задача перешла по наследству петровским преемникам.

Но и за успехи — там, где они были достигнуты, — пришлось заплатить ужасающе высокую цену. Плохо задуманная и авантюристически начатая Северная война совершенно разорила и истощила население. Сотни тысяч молодых мужчин погибли в походах и на скверно организованных стройках.

Болезненный, калечащий удар был нанесен по веками формировавшейся национальной культуре, в чем не было никакой необходимости. С Петра русская культура делится на два отдельных потока — народный, сохранивший природное своеобразие, но никем не оберегаемый, и элитарный, изначально подражательный

по отношению к Западу и лишь век спустя начавший генерировать нечто ценное.

«Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? — размышляет Карамзин. — Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных породю на бесплодие и недостаток... Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действо сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах».

Итак, петровские новшества были приобретены чудовищно дорогой ценой. Но посмотрим на дело с исторической дистанции, ведь с прошествием времени раны заживают, могилы зарастают, горести забываются. Мало кто сегодня, глядя на красивый город Санкт-Петербург, печалует, что он «основан на слезах и трупах». В истории часто бывало, что суровый правитель, которого современники считали кровопийцей и тираном, оценивается потомками совсем иначе — потому что будущим поколениям достаются плоды с посаженных этим садовником деревьев.

Посмотрим безэмоционально и объективно, что получилось и что не получилось у Петра Великого.

Главное, самое заметное и несомненное изменение коснулось международного статуса России. Возникла новая великая держава, с которой остальному миру отныне придется считаться — из-за ее размеров, ресурсов и военной мощи. Как писал Соловьев, «что бы ни задумывалось теперь на Западе, взоры невольно обращались на Восток; малейшее движение русских кораблей, русского войска приводило в великое волнение кабинеты; с беспокойством спрашивали: куда направится это движение?»

Промышленность по сравнению с семнадцатым веком, конечно, выросла, но все же осталась слабой — за исключением заводов военного значения. Что такое двести фабрик и мануфактур для страны с пятнадцатимиллионным населением? Сильной промышленности и не могло появиться там, где частное предпринимательство вело рептильное существование, а основным заводчиком было государство, не самый рачительный и толковый хозяин. Мало развивалась и торговля, опутанная многочисленными ограничениями и не защищенная от чиновничьего произвола. Богатство России по-прежнему почти полностью зависело от крестьянского труда.

Из городов быстро рос только Санкт-Петербург, ради строительства и обустройства которого обирались вся страна.

Образование, очень скромное, коснулось только самой верхушки общества, а вся масса народа осталась неграмотной и невежественной — притом что в Европе как раз наступил Век Просвеще-

ния. «Он велик без сомнения, но еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян...» — вздыхает Карамзин, очевидно адресуя эту рекомендацию царю собственной эпохи, в которую эта ситуация несколько не изменилась.

Получается, что реформы удались лишь в тех областях, которые относительно легко регулировать сверху: в сфере управления и военного комплекса. В остальных отношениях Россия изменилась мало, а значит, по-прежнему была обречена на экономическое, техническое, культурное и социальное отставание от быстро эволюционирующего Запада.

Итак, для макроистории главным итогом петровской деятельности стало то, что Россия превратилась в военную империю.

Кажется, Петр не ставил перед собой задачу создания именно империи. Он хотел всего лишь получить выход к морю, но для этого пришлось подчинить все интересы государства военному строительству.

Эта задача, как уже было сказано, вполне осуществилась. Россия превратилась в огромную машину, работавшую прежде всего на армию и флот (вспомним, что к концу петровского правления, то есть в мирное время, эти статьи поглощали четыре пятых бюджета). Сначала военная мощь была нужна, чтобы отвоевать новые территории; потом — для того, чтобы их удерживать. Вооруженные силы стали позвоночным столбом России. «Во всем свете у нас есть только два верных союзника — армия и флот», — будет говорить Александр III и через полтора с лишним века после Петра.

Сама структура и логика военизированного, по-армейски централизованного государства обрекала его на имперскую судьбу. Первым отличительным признаком всякой империи является уже поминавшаяся «газообразность», то есть стремление занимать всё доступное пространство. Благодаря Петру I (или по его вине — в зависимости от точки зрения) «четвертая» Россия преобразовалась в империю и теперь была обречена расширяться.

